Переводческая интуиция и способы ее развития.

Вопрос определения и развития переводческой интуиции стоит на периферии теории перевода и психолингвистики. Несмотря на то, что рассмотрению этого вопроса уделяли внимание многие переводоведы, как отечественные, так и зарубежные, актуальность проблемы нисколько не утрачена и сейчас.

Переводческая интуиция во многом отличается от когнитивной и философской, первая из которых определяется как «чутье, догадка, проницательность, основанная на предыдущем опыте», а вторая как «непосредственное постижение истины, без помощи научного опыта и логических умозаключений».

В теории перевода заслуга наиболее полного рассмотрения вопроса переводческой интуиции принадлежит немецкому ученому В.Вилссу. («Познание и перевод. К теории и практике человеческого и машинного перевода», 1988). Ученый считает, что эмпирически-индуктивные и моделирующие подходы к созданию теории перевода должны быть дополнены разработкой нормативной теории перевода. Такая теория, ориентирующаяся на личность переводчика, должна основываться на данных когнитивной психологии, отражающей процесс познания и использование полученных знаний в различных видах человеческой деятельности. Исследование перевода должно выявить, по его мнению, как внешний стимул, в качестве которого выступает в данном случае текст оригинала, активизирует структурированное знание в памяти переводчика и как это знание, наряду с другими психологическими факторами, позволяет решать проблемы и выполнять необходимые операции в процессе перевода. Теория перевода, по мнению Вилсса, изучает не объективные физические объекты, а идеальные объекты – мыслительные действия и операции. Для нее более важны не общие законы, а особенное – создание конкретного текста. Поэтому она должна описывать процесс перевода в таких операционных терминах, как «действие, поведение, решение проблемы, выбор, творчество, интуиция, стратегия перевода, стереотип перевода». Знания могут приобретаться человеком как аналитическим путем, на основе объективного анализа фактов и ситуаций, так и герменевтическим путем, т.е. субъективно-интуитивно. Отсюда следует, что при описании процесса перевода нельзя ограничиваться сознательным, объективным и закономерным, а надо уделять должное внимание интуитивному, субъективному и единичному. Как показывает практика перевода и использование различных моделей перевода, многие операции производятся переводчиком на основании догадок, что связано с объективными причинами, т.е.

отсутствие связи с автором, неизвестность цели перевода, неопределенность характера реципиента перевода. Отсюда следует, что переводчик использует разные типы мыслительных операций: рефлексивный, основанный на объективном анализе доступной информации, и импульсивный, интуитивный, основанный на субъективных решениях.

Переводческую интуицию В.Вилсс определяет как способность спонтанно находить решение проблем, не основанная на знании и не опирающиеся на логический рассуждения. Интуитивные решения при этом могут быть правильными и неправильными. Интуитивное решение представляет собой ответ определенным образом на определенную ситуацию. Переводоведение же, ориентируясь на закономерное, тем самым игнорирует интуицию. Однако, как считает ученый, переводчик должен быть всегда готов применить свою интуицию, которая не поддается регулируемости, упорядоченности, обоснованности, анализу и вербализации.

Уточняя дефиницию, данную В.Вилссом, определим переводческую интуицию как эвристическую способность нахождения решения в ситуациях, когда ни стереотипный, ни аналитический подход не позволяют добиться адекватности. При этом под стереотипным подходом следует понимать или использование «прямого перевода», то есть автоматическое воспроизведение известного по памяти, а также калькирование или синтаксическое уподобление, или использование словарного значения. Под аналитическим подходом понимается сознательное использование тех или иных приемов переводческой трансформации, основанное на цепи умо-логических заключений.

В процессе подготовки специалистов в области перевода и межкультурной коммуникации особо внимание должно быть уделено развитию двух видов знаний, использующихся в процессе перевода, а именно позитивных (эпистемических), хранящихся в памяти переводчика, и эвристических, позволяющих добывать новую информацию. При этом в большинстве случаев развитие переводческой интуиции происходит эмпирически без использования каких-либо специальных методик. Выделяется несколько ситуаций, когда становится необходимым применение переводческой интуиции. Во-первых, когда переводчик сталкивается с выражением, значение которого ему полностью неизвестно. Наиболее частый выход в такой ситуации – это опора на более широкий контекст, что наиболее удобно при письменном переводе, или опора на лингвистическое окружение и экстравербальные характеристики (реакция реципиента, мимико-жестикуляционные способы выражения модальности автором текста оригинала) при

устном переводе. Во-вторых, это ситуация, когда переводчик имеет только некоторые коннотативные представления о смысле и значении выражения. Как правило, в таких ситуациях переводчик либо прибегает к генерализации, например, определяя общим словом «изменения» выражения, положительная или отрицательная коннотация которых ему неизвестна, либо к конкретизации, сужая предметно-логическое значение выражения, например, ссылаясь на какой-либо конкретный случай, известный ему, при переводе ситуации с более широким предметно-логическим значением. И, наконец, в-третьих, это ситуация, когда переводчику точно известно значение слова, но он интуитивно чувствует, что ни оно, ни ближайшие синонимы не подходят. В данном случае можно говорить уже о чувстве языка перевода и оригинала и о некоторых инкорпорированных эвристических способностях. Что, впрочем не значит, что такие способности нельзя развить. Вариантом выхода из подобной ситуации может стать полное абстрагирование от словарного значения слова или поиск более дальних синонимов. В данном случае никаких зафиксированных методов решения проблемы существовать не может, и все будет зависеть от решения переводчика, знания им литературных норм, его переводческого опыта, и, наконец, просто от неординарности мышления.

Безусловно, переводческая интуиция сугубо индивидуальна и не поддается изучению. Это может быть связано с особенностями деятельности мозга, которая, по словам Ю. Хольц-Минттяри, представляет собой взаимодействие двух потоков информации. Мозг является своего рода диполью, двухплоскостной антенной, принимающей сигналы, отражающие состояние самого организма. Со стороны головного мозга поступают упорядоченные, структурированные сигналы, воспринимаемые органами чувств из окружающего мира, а также следы прежних сигналов, хранящихся в памяти. В результате борьбы этих двух сигналов в центре мозга образуется новое мыслительное образование, которое содержит случайное, каждый раз иное сочетание сознательного и бессознательного. Именно случайность и непредсказуемость такого сочетания позволяют продуцировать новое неожиданное содержание, создают творческий и интуитивный аспект человеческого мышления. Поэтому развитие переводческой интуиции не может иметь целью унификацию вариантов перевода. Речь идет о развитии чувства перевода, которое позволило бы почувствовать проблему и, исходя из имеющегося опыта, предложить способ ее решения. Таким образом, вопрос развития переводческой интуиции сводится к способности почувствовать и определить сущность проблемы. В процессе обучения специалистов

в области перевода и межкультурной коммуникации этого можно добиться, предлагая тексты, содержащие одно и то же выражение, но со смысловой оппозицией, таким образом, что употребление одного и того же значения во всех случаях было бы невозможно.

Это легко продемонстрировать на примере широко распространенного слова performance. Новый БАРС определяет значение этого существительного следующим образом: 1).исполнение, 2).представление, пьеса, 3).работа (машины).

Однако, зачастую при переводе в английского на русский ни одно из вышеперечисленных значений не используется.

Пример из статьи Р. Дорнбуха “An Achilles’ heel that could cripple China”, (Business Week, Spt.,15, 1997).

The awful performance of state-owned enterprises and the growing potential of a financial disaster are surely the Achilles’ heel of what is called China’s “primary stage of socialism”. При переводе, как видно, ни одна из дефиниций, дающихся Новым БАРСом не подходит. Переводческая интуиция подсказывает вполне подходящий вариант «состояние»: «Ужасное состояние государственных предприятий…». Другой пример из той же статьи: China’s extraordinary growth performance… has been nothing short of remarkable.” В данном примере как вариант можно предложить «показатели»: «Поразительные показатели экономического роста Китая…». При применении такого варианта переводчик отталкивается от ситуативного окружения словосочетания «экономический рост». Очевидно, что существительное, поставленное в отношение подчинительной связи с этим словосочетанием, должно быть так или иначе связано с цифрами. Еще один пример из той же статьи: Another 1.5mln. are town and village owned enterprises that have been the core of Chinese performance. При анализе предложения переводчик определяет, что речь идет о некотором крупном понятии. Поэтому, как вариант «экономика»: «… которые стали ядром китайской экономики.» Другой пример: “In addition economic performance is supposedly replacing the goal of simply meeting production targets regardless of the cost or consumer demand.” Значение «показатели», как становится ясным при разборе предложения, здесь не подходит. Можно воспользоваться значением «экономический рост» или «экономическое развитие», тогда:«К тому же возможно вопросы экономического развития вышли на первый план…». И, наконец, еще один пример из этой статьи. “Their (of state-owned enterprises) poor performance translates into protectionism, limits to competition etc.” В данном примере значение «плачевное состояние», «невысокие показатели» и т.д., уже предлагавшиеся в вышеуказанных примерах, можно выразить одним словом

«нерентабельность»: «Нерентабельность государственных предприятий приводит к политике протекционизма …».

Таки образом, ни разу не было использовано значение, предложенное англо-русским словарем. Возможно, для развития переводческой интуиции необходимо больше внимания уделять работе с толковыми словарями, которые, по крайней мере, не дают однозначного варианта перевода, и поэтому выбор и поиск варианта остается за переводчиком. Одной из наиболее распространенных тактических ошибок начинающих переводчиков является попытка необдуманной подстановки варианта, предложенного словарем. Необходимо понять, что перевод – это намного большее, чем просто знание слов. Зачастую, перевод начинается там, где заканчивается словарь. Наглядным примером тому может послужить «Несистематический словарь» П.Р. Палажченко.

Библиография:

1. Комиссаров, В.Н. Общая теория перевода. ЧеРо, М.1999.
2. Wilss, W. Ubersetzungwissenshaft: Probleme und Methoden. Stuttgart, 1978.
3. Holz-Manttari, J. Transtatorisches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki, 1964.
4. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. Высшая школа, М.1990.
5. Палажченко, П.Р. Несистематический словарь. Валент, М. 1999